

Социология и неравенство:

Доклад Президента Международной социологической ассоциации Майкла Буравого на президентской сессии 18 конгресса Международной социологической ассоциации.

От Папы Франциска до Томаса Пикетти

За последние четыре года вопреки многим ожиданиям тема неравенства снова вышла в ряд самых актуальных. В полемику о проблемах неравенства включились самые неожиданные персоны. Избранный в 2013 году папа Франциск первый иезуит, занявший подобный пост, первый понтифик, представляющий Аргентину и глобальный Юг в целом, - резко осудил масштабы неравенства в мире. Спустя шесть месяцев после избрания он произнес свое первое апостольское послание (Francis, 2013: 52-75), включавшее в себя следующие тезисы:

1. Не дай развиться экономике неравенства и эксклюзии. Заповедь «Не убий» с ясностью охраняет ценность человеческой жизни. Экономика эксклюзии и неравенства убивает людей, поэтому настало время сказать ей нет. Как могло случиться, что смерть пожилого, бездомного человека от переохлаждения более не является для нас новостью, а новостью становится падение биржевых котировок на два процента? Это – явный пример эксклюзии. Можем ли мы безразлично наблюдать, как продовольствие отправляется в мусорные баки в то время, как люди голодают? Это – явный пример неравенства. Сегодня царят правила конкуренции и выживания сильнейшего, сегодня сильные кормятся за счет слабых. В результате массы люди выталкиваются эксклюзией в социальные маргиналы: они лишены работы, возможностей подняться из нищеты, у них нет выхода. Тех, кто подвергся эксклюзии, не просто «эксплуатируют», их превращают в отверженных, в «отбросы» общества.
2. Скажем нет экономике «нисходящей диффузии». Есть люди, которые отстаивают теорию «просачивания» жизненных образцов, подразумевающую, что экономический рост, подстегиваемый свободным рынком, неизбежно приведет к более справедливому обществу, инклюзии широких слоев населения. Подобная точка зрения ни разу не подтверждалась фактами. Она отражает незатейливую, наивную веру в благие намерения тех, кто держит в своих руках власть над экономикой, сакральную веру в то, что существующая экономическая система может привести нас к благу.

3. Скажем нет обожествлению денег. Одна из причин происходящего кроется в нашем отношении к деньгам. Мы спокойно принимаем их власть над нами и обществом... Мы создаем нового золотого тельца, новых идолов. Поклонение золотому тельцу возродилось в новой, безжалостной форме в обожествления денег, в форме диктата обезличенной экономики, лишенной по-настоящему человеческих целей.
4. Скажем нет тирании прибыли. Доходы очень небольшой группы богатых растут по экспоненте, одновременно растет пропасть между нею и большинством населения. Рождается новый вид тирании, невидимой, а иногда и виртуальной. Она одностороннем порядке, непреклонно навязывает собственные законы и правила. Эта тирания сметает все, что стоит на пути большей прибыли, хрупкие, беззащитные основания человеческой жизни такие, например, как наша среда обитания. Во главу угла ставятся интересы обожествленного рынка, единственным правилом жизни становится стремление к прибыли.
5. Скажем нет неравенству, порождающему насилие. Сегодня от многих мы слышим призывы обезопасить общество. Однако пока существуют неравенства и насилие, уничтожить насилие невозможно. Пока общество – на местном, национальном или глобальном уровне – мириться с тем, что его часть находится на обочине жизни, никакие политические программы или ресурсы, выделяемые на охрану правопорядка, никакие системы наблюдения, не смогут дать постоянные гарантии спокойствию граждан. И это не только потому, что неравенство вызывает ответное насилие со стороны тех, кто отвергнут системой. Это потому, что существующая социо-экономическая система несправедлива в своих основаниях.
6. Скажем нет финансовой системе, которая не служит обществу, а господствует над ним. Я хотел бы, чтобы специалисты по финансам и политические лидеры поразмышляли над словами одного из древних мудрецов: «Тот, кто не делиться своим богатством с бедняками, крадет у них, отнимает у них средства к существованию.» Реформа финансов, которая отвечает подобным этическим принципам, потребовала бы от политических лидеров серьезного пересмотра их подходов... Деньги должны служить людям, а не господствовать над ними».

Заявленная Папой радикальная программа вполне в духе ранних произведений Маркса. Ее безусловно вдохновила теология освобождения. Обсуждая два типа неравенства – эксклюзивию и неравенство инклюзии – папа явным образом фокусирует внимание на первом из них в ущерб второму. Тезис 1 ставит акцент на эксклюзивии как явлении, которое

игнорируется традиционными экономическими подходами (Тезис 2). В результате в обществе нарастает насилие (Тезис 5), а это рождает требование восстановить в правах обездоленные слои населения (Тезис 6). Папа специально проводит разделительную линию между эксклюзивом и эксплуатацией, хотя и признает, что эти явления тесно между собой связаны. Увеличение резервной мобильной армии труда стимулирует неравенство инклюзии, что лишает эксплуатируемые слои возможности оспаривать существующий порядок распределения.

Критические аргументы против эксклюзива принадлежат выходцу из страны, находящейся в южном полушарии. Однако аналогичные явления все чаще становятся реальностью и в странах северного полушария. И здесь мы видим геттоизацию расовых меньшинств и прекариат, проникающий в сами основания социо-экономической лестницы. Второй тип неравенства – неравная инклюзия – подвергается не менее острой критике. Вопреки всем ожиданиям ее источником стало сообщество ученых-экономистов. Большинство экономистов не особенно волнует неравенство. По их мнению, основной его причиной становится прибыль, полученная благодаря «приращению производительности» или инвестициям в человеческий капитал. Они полагают, что социальное неравенство – это якобы справедливый и неизбежный итог экономического роста. Однако далеко не все согласны с подобной точкой зрения. В сообществе экономистов появилось группа ученых, отошедших от экономической ортодоксии. В нее вошли Джеймс Гэлбрейт (2012), лауреаты нобелевской премии Джозеф Стиглиц (2014) и Амартия Сен (1995). Они настаивают на том, что рост неравенства и его превращение в фактор маргинализации имеет причиной необузданную экспансию рынка. В 2014 году молодой французский экономист Томас Пикетти выпустил книгу «Капитал в 21 веке», ставшую бестселлером во всем мире. Сегодня популярности Пикетти могли бы позавидовать многие политики со стажем. Удивительно, что довольно скучный том объемом в 600 страниц поразил воображение не только ученых, но и политиков, людей бизнеса.

Пикетти и его команда аккумулировали огромный массив данных, характеризующий неравенство доходов и распределение национальных богатств на протяжении двух с половиной веков. В этой базе данных представлены самые разные кейсы: наряду с данными по США и Европе Пикетти документирует неравенство в нескольких крупных развивающихся странах. Данные показывают, что между 1930 и 1970 годами фиксировалось отклонение от обычных трендов, выраженное в уменьшении масштабов неравенства. Нарушение обычной динамики было вызвано мировыми войнами и экономическим кризисом. В последние десятилетия динамика неравенства вернулась к показателям 19 века, и никаких факторов, способных нарушить эту тенденцию, не

наблюдается. Пикетти называет это явление возвратом к патримониальному капитализму прошлого и его практикам неограниченного наследования привилегий и богатства. Эти утверждения подрывают базовые принципы неоклассической экономики и делают необходимым появление новых теорий капитализма. Работа Пикетти не свободна от ограничений: он изучает только одно измерение неравенства – неравенство инклюзии в капиталистическом обществе. Характер используемых им данных (данные по налогообложению), то внимание, с которым он изучает эндогенные следствия функционирования рынков, превалирование в используемой им базе богатых стран – все это приводит к тому, что в поле его зрения оказывается нарастающее неравенство инклюзии, эксклюзия остается за рамками рассмотрения в его работе.

Было время, когда неравенством занималась исключительно социология. Однако Папа Римский и экономисты-неортодоксы отняли у социологов пальму первенства в ее разработке. Мы, социологи, проигрываем им игру на своем поле. Вместе с тем, надо признать, что ни у Папы, ни у экономистов нет настоящих ответов на вопросы, которые они ставят. Папа Римский призывает общества взять на вооружение новую этику любви и сочувствия. Однако, как сам он ни пытался, не смог дойти до конца в разоблачение сексуального насилия в церкви, не смог изменить консервативные взгляды церкви на вопросы гомосексуальности, контрацепции, разводов и абортов. Папа Римский занял радикальную позицию по вопросам экономики, но ему не удалось серьезно продвинуться в социальных вопросах. И, несмотря на это, я настаиваю, что именно в социальной области появятся настоящие вызовы неравной инклюзии и эксклюзии. Решения вопросов неравенства, которые предлагает Пикетти, вращаются вокруг идеи повышения налогов для богатых и сверхбогатых, но откуда вдруг возьмется политическая воля вводить подобные налоги? У Пикетти нет политической теории, теории государства, теории общественных движений, теории культуры и, самое важное, теории капитализма. Он предложил формулу растущего неравенства, но факторы, влияющие на входящие в нее переменные (отдача на капитал и экономический рост), он оставил без объяснения. В результате он колеблется между радикальной стохастикой, согласно которой «все возможно», и радикальным эмпиризмом, полагающим, что существующие тенденции не претерпят существенных изменений.

Но мы – социологи. Мы не станем апеллировать к морали, не станем полагаться на то, что *deus ex machina* наполнит политиков волей к изменениям. Мы занимаемся реальными движениями, в которых участвуют реальные люди, находящиеся в реальных отношениях друг с другом, проживающие жизнь в той реальности, которая им дана. Из каких источников Папа черпает свои идеи неравенства, если не из программ социальных

движений аргентинского народа? Пикетти начинает свою книгу рассказом о бастующих горняках Мариканы в Южной Африке. Но с тем же успехом он мог бы начать ее рассказом о движении «Оккупей Уолл стрит» (Займи Уолл Стрит) или движении Индигнадос (Возмущенные). Продираясь сквозь частокол экономических данных, Пикеттитеряет шахтеров Мариканы из поля зрения. И Папа, и Пикетти – это проецирование в религиозную и экономическую сферу того влияния, которые обретают новые социальные движения, в чьих программах находит отражение растущая озабоченность общества проблемой неравенства. Поэтому наша задача в том, что повернуться лицом к самим этим движениям.

Волна социальных движений 2010-2014 года

Многие полагали, что одновременное избрание Барака Обамы и наступление финансового кризиса 2008 года вернут к жизни организованный капитализм, который будет регулировать банковскую деятельность и перераспределять национальные богатства. Однако действительность оказалось далекой от ожиданий. Новая американская администрация способствовала консолидации глобальной власти финансового капитала. Ее усилия пришлось на период, когда страны и континенты пожидали последствия кризиса, а социальный протест обретал новую траекторию. Серьезные изменения в программах социальных движений произошли в период с 2010 по 2013 год. В начало этой траектории я положу трагедию самосожжения МохамедаБуазизи, случившуюся 17 декабря 2010 года.

Буазизи не был первым тунисцем, совершившим акт самосожжения. Тогда почему именно его поступок стал точкой рождения социального движения, которое в течение месяца свергнет 23-летнюю диктатуру Бена Али? Буазизи приехал из Сиди Бузида, маленького города в центральной части Туниса. В этом городе социальное возмущение было особенно велико: крупные агрофирмы лишали фермеров их земель, шахтеры, работающие на добыче фосфатов теряли работу из-за притока мигрантов, выпускники высших учебных заведений не могли найти работу. В Буазизи недовольство кристаллизовалось и стало катализатором протеста, который охватил весь Тунис, включая благополучный Север. На севере страны волна протеста захватила специалистов, входящих в средний класс, а также профсоюзы, которые сформировали основы гражданского общества. Президент Али был любимчиком Запада. Он не только сдерживал натиск исламистов, но и без колебаний следовал неолиберальной модели, соединившей политику затягивания поясов и экономические привилегии для узкого круга бенефициаров, связанных с его

семьей. Средние классы все чаще чувствовали себя обделенными щедротами диктатуры, растущее недовольство толкнуло их в ряды набирающего силу движения. В этом случае снова сходятся вместе протесты, вызванные расширяющейся эксклюзией, и возмущение, рожденное неравенством инклюзии.

Революция в Тунисе дала толчок революции в Египте 25 января того же года. Три недели спустя президент Хосни Мубарак, правивший страной 30 лет, был свергнут. И в этом случае все началось еще до возмущений в Тунисе с протестов рабочих и молодежи, недовольных экономической политикой властей. На площади Тахрир массы людей ощутили себя политической силой и это ощущение осталось с ними до победы. Арабские революции придали дополнительную силу мощным оппозиционным движениям в Ливии, Иемене, Бахрейне и, разумеется, Сирии. Но все же не они, а социальные факторы – безработица и эксклюзия, вызванные неолиберальной экономической политикой, – создали предпосылки для движений протеста.

Вскоре после описанных событий 11 марта 2011 года в Японии произошло одно из самых мощных землетрясений за все время наблюдений, ставшее причиной одной из самых смертоносных экологических катастроф в истории человечества. По некоторым оценкам погибли 18500 человек, включая тех, кто до сих пор числится пропавшим без вести. Большинство погибли вследствие обрушившегося на прибрежные города цунами. Оно же вызвало катастрофу на атомной электростанции Фукусима, разрушив ее реакторы. Цунами, а также атомная катастрофа заставили 380000 жителей покинуть пораженные районы страны. На сегодняшний день Япония занимает третье место в ряду стран-потребителей атомной энергии (после США и Франции). Не обращая внимания на давнюю историю протестов против ее использования, правящая Либерально-демократическая партия продолжала строить атомные станции, размещая их в бедных регионах, где экономические соображения побеждали все остальные. Даже оппозиционная Демократическая партия Японии, придя к власти, стал строить планы расширения масштабов использования атомной энергии, якобы во имя борьбы с выбросами в атмосферу газов, вызывающих парниковый эффект. Катастрофа Фукусимы дала рождение массовому движению против атомной энергии, аккумулировавшему возмущение пренебрежением вопросами безопасности, заключенным в политике правительства, его слишком тесными отношениями с атомной промышленностью. Последняя сама диктовала условия своей работы, ориентируясь при этом на наибольшие прибыли. Несмотря на растущее движение, способное вывести на улицы до 200000 человек, ЛДП выиграла следующие парламентские выборы в 2012 году. Правящая партия не изменила своей политики, направленной на увеличение масштабов производства

атомной энергии и, кроме того, заявила планы возрождения атомных станций, остановленных в 2012 году.

В этот же период множество самых разнообразных экологических движений оказались в центре общественного внимания. Многие из них возникли как реакция на расширяющиеся масштабы эксклюзии, вызванной конфискацией и деградацией земель. В Индии протесты парализовали процесс экспроприации земли, выделенной под Особые Экономические зоны. В Китае протесты были направлены против вовлеченности местных администраций в процесс захвата земли и земельных спекуляций. В Палестине противники расширения израильских поселений устраивали новые по форме протесты, чреватые для протестующих немалыми рисками. Во многих странах Латинской Америки население протестовало против политики международных добывающих компаний, результатом которой становилось перемещение больших масс людей на новые территории и уничтожение запасов пресной воды. В США и Канаде растет движение против варварских методов добычи сланцевой нефти и газа. Во многих странах мира население протестовало против изменений климата. Разный масштаб протестов в разных странах был связан с тем, что глобальное потепление по-разному сказывается на жизни граждан в разных странах. В каких-то странах его влияние уже сейчас ощутимо, в других нет. Подобные движения непросто организовать и координировать. Однако уже сейчас они отражают растущее в обществах осознание того, что отношение к природе, в конечном итоге, определит выживание планеты. Речь идет о человечестве в целом: те высокие барьеры, которые, казалось бы, отделяет привилегированную часть человечества от уязвимой, не смогут никого защитить.

Движение Индигнадос возникло в Португалии, но боевое крещение получило в Испании 15 мая. Именно поэтому в Испании оно называется Движение 15 мая. Экономический кризис 2008 года отправил испанскую экономику в пике. Правительство ввело меры жесткой экономии по требованию тройки – Европейского Центрального банка, Международного валютного фонда и Европейской Комиссии. Эти меры ударили, прежде всего, по молодежи. Молодые люди, многие из которых имеют дипломы о высшем образовании, оказались без постоянной работы, а иногда и вовсе без работы. Демонстрации, заполнившие площади больших городов, проходили под лозунгами «Вернем настоящую демократию прямо сейчас», «Мы – не товар в руках политиков и банкиров». Движение 15 мая предложило обсудить идеи альтернативного общественного устройства. Движения, имеющие похожие программы борьбы с мерами жесткой экономики и нестабильности, возникли во всех странах европейского Юга – в Италии, Португалии, Греции, Испании. Каждое из этих движений имело национальную окраску,

каждое рождалось в особом национальном политическом контексте. Меры жесткой экономии больше всего сказались на ситуации в Греции. Отсюда и характер движений протеста в этой стране, более боевитых, политических более влиятельных, чем движения в Испании, Португалии или даже Италии.

В августе 2011 года центр протестов переместился в Латинскую Америку. В эпицентре протестной деятельности оказались студенческие движения в Чили. Несмотря на то, что у власти в этой стране давно находятся правительство социалистов, многие из неолиберальных программ Пиночета так и не были отменены. Вопиющим фактом стало то, что Чили опережает другие страны континента по уровню приватизации системы образования. В результате приватизация стала важнейшим пунктом обсуждения во время выборов 2013 года. Начавшись в Чили, движение против приватизации высшего образования, стало разрастаться и приняло поистине глобальные масштабы. Заголовки газет пестрели сообщениями о протестах в странах Латинской Америки и за ее пределами. Студенты выходили на демонстрации в Великобритании, Франции, и, кроме того, в канадской провинции Квебек, где они протесты приобрели особенно радикальный характер.

В 2011 году развернулось движение «Оккупай Уолл стрит», общественные протесты были обращены против 1% самых богатых, самых влиятельных и самых далеких от общества американцев. Объектом критики движение выбрало большие банки, получившие в результате распространения новых финансовых технологий огромные прибыли. И несмотря на это власти объявили их неприкасаемыми, «слишком большими для того, чтобы позволить им разорение». В итоге в период кризиса, который они же сотворили, банки получили государственную помощь, а беспомощное население, жертва кризиса, должно было оплачивать эти счета. Движение «Оккупай Уолл стрит» охватило всю территорию США и весь мир, налаживая связи с Индигнадос, движениями Арабской весны и студенческими движениями. Новый импульс оно получило, благодаря новому поколению протестующих, так называемых «Тысячелетникам» - молодежи, принужденной к оплате огромных образовательных кредитов, но при этом лишенной перспектив получить стабильную работу. В 2013 году движение приостановило свое продвижение. Против него были брошены вооруженные отряды полиции, которые координированными действиями вытесняли его с улиц и площадей городов. Вместе с тем погасить те искры протеста, которые зажгло это движение, оказалось непростым делом. То там, то здесь, они вспыхивали пламенем протеста – на площади стамбульской площади Таксим, где протестующие собрались, чтобы защитить парк Гези, ставший не без помощи

правительства объектом земельной спекуляции. В настоящее время искры протеста вспыхнули в Гонконге, где молодые люди вступили в защиту демократии.

Во всем мире рабочее движение отстывает, его ослабляет приток мигрантов, конкурирующих за рабочие места, его не слышат правительства, помогающие крупному капиталу. Забастовки все чаще оборачиваются против самих бастующих и превращаются в инструмент, который использует капитал. Их используют как предлог для того, чтобы устроить локаут – увольнение всех работников предприятия. Тем не менее, борьба рабочих за свои права продолжается, особенно в странах Южного полушария. В 2012 году забастовки южноафриканских рабочих на предприятиях, добывающих платину в Марикана, привлекли к себе внимания мировой общественности. Забастовка началась как борьба машинистов горного оборудования за справедливую заработную плату. Профсоюзы не стали вмешиваться, когда горнодобывающие компании вступили в сговор с правительством. Против рабочих были направлены мощные полицейские силы, в результате 34 горняков были убиты. Это преступление разбудило память о шарпевильской резне 1960 года, виновником которой был режим апартеида. Волна забастовок охватила всю страну. Рабочее движение – это по-прежнему мощная сила не только в Южной Африке, но и Бразилии, где оно показало свои возможности во время протестов в июне 2013 года. И, тем не менее, эти эпизоды выступления в странах полу-периферии, не могут скрыть от нас общие слаости рабочего движения. Не имея возможности влиять на положение дел на предприятиях, рабочие пытались создавать новые организационные формы такие, как рабочие центры за пределами производства или создавать новые символические формы протеста и благодаря им выстраивать политические союзы. Так в Аргентине пикетерос (пикетчики), организация безработных, делали шаги, направленные на заключение союза с «возражающимся» движением фабричных рабочих.

Охватывая взглядом последние четыре года, нельзя обойти внимание подъем правых и левых движений. В Греции это – движение «Золотая Заря», в Италии – в некоторых аспектах феномен Грилло. Консервативные движения расцвели пышным цветом в бывших социалистических странах. В этих регионах мира прогрессивные силы поддерживают демократию. Разрывая с советским прошлым, они часто оказываются в числе сторонников рынка. В то же время реакционные движения оказываются во главе сил, ведущих с рынком борьбу. На Украине движение Евромайдана поднялось на волне возмущения после отказа пророссийского президента Януковича подписать договоры с ЕС в ноябре 2013 года. Протестующие захватили Майдан, заставили Януковича бежать, но это только усилило геополитическое противостояние. Россия захватила Крым и поддержала подрывные элементы на востоке страны (Ischenko, 2014). На Украине

бедность – одна из острейших проблем, экономика в глубоком кризисе, но не эти факторы питают протесты. Парадокс в том, что протесты направлены на элиты, которые подрывают основы рынка.

Если 2011 года можно считать годом, когда, как выразился Пол Мейсон в своей популярной книге, «вся эта история началась» (Mason, 2013), к 2014 году ситуация существенно изменилась. Страны Ближнего Востока охватили контрреволюции – от Египта до Израиля, от Ливии до Сирии. Демократические движения не имели поддержки широких масс населения. Они отвергали стратегии, подразумевавшие использование формальных институтов. Государство прибегло к решительным действиям и ликвидировало очаги протеста. Одним из последствий подобных конфликтов стало серьезное поправление в электоральном поле этих государств. В Латинской Америке ситуация оказалась несколько иной: здесь на фоне более развитой гражданской жизни движениям удалось удержать курс. Многим из движений пришлось отступить, многие из их достижений были сведены на нет. Тем не менее они оставили глубокие следы общественном сознании и позволили их участникам и сторонникам обрести общий опыт успешной борьбы за свои права. Эти движения, каждой по своему, внесли свой вклад в понимание того, что такой эксклюзия и неравная инклюзия в современном мире. В эти протестах обозначили себя контуры и ограничения нынешней волны маркетизации.

Общие репертуары

Можно ли считать, что эти движения представляют собой частные случаи глобальной волны протеста, характеризующейся сближающимися репертуарами действий, передачей друг другу побудительных импульсов к действию в сложном процессе взаимодействия? Существует немало доказательств того, что движения влияют друг на друга: арабские возмущения не могли бы начаться, если бы не восстание в Тунисе. В свою очередь, арабские протесты дали толчок возмущениям в других странах. Аналогичным образом, движение Индигнадос быстро распространилось по странам южной Европы. Оба движения подстегнули движение «Окьюпай», которое, в свою очередь охватило весь мир. В этой системе взаимных влияний решающая роль принадлежала социальным сетям, хотя как мы понимаем, схожие движения протеста возникали задолго до того, как появились подобные технологии. Можно вспомнить революционные события 1848 года, когда протесты охватили всю Европу или движения, которые привели к распаду советской империи. Особенность социальных движений состоит в том, что они предлагают «конкретизированные фантазии», которые побуждают активные элементы в других странах к креативной имитации.

Даже, если признать, что между названными движениями существует связь в глобальном масштабе, не она, а национальный политический контекст определял специфические формы, в которых они заявляли о себе. Так обстояло дело в каждом из регионов мира, так проявляли себя различия между регионами. Греция не похожа на Испанию, а Испания на Португалию. Тунис не похож на Египет, а Египетские события не похожи на ливийские. Это различия существовали даже в том случае, когда движения преследовали одинаковые цели: в арабском контексте это – стремление покончить с авторитарными режимами, в странах Южной Европы это – борьба с засильем международного капитала, в Латинской Америке – борьба за социальное государство. И, тем не менее, в этих национальных движениях присутствует момент осознания общности политических целей, момент осознания политического отчуждения, которое, по выражению Зигмунта Баумана (2000), отражает разделение политических интересов, которыми живет общество, и тех интересов, которые воплощает в своих действиях власть. Экономическая власть, в особенности финансовый капитал, диктует условия государствам, лишая, тем самым, всякого смысла демократические процедуры. В Тунисе Международный валютный фонд, Мировой банк и зарубежный капитал объединили силы с авторитарным режимом, лишив население какой-либо субъектной политической роли. Схожие явления происходили в Египте, где военные поставили под свой контроль значительную часть экономики. В Южной Африке налицо был сговор между корпорацией Лонмин и государством. В странах, сохраняющих рудименты демократии, политическое отчуждение усиливается вследствие разрыва между формой и реальностью. Форма остается демократической, реальность – капиталистической.

Социальные движения отвечают на этот вызов, создавая новые формы прямой демократии или демократии участия. Они создают новые символические пространства, имеющие четкую географическую привязку – площадь Тахрир в Каире, площадь Таксим в Стамбуле, парк Зукотти в Нью-Йорке, площадь Каталонии в Барселоне и так далее. Сетевые взаимодействия создавали фон для протестных действий, но сердцевиной движений были массы, контролирующие какую-то часть городского пространства. В этих пределах рождалась префигуративное видение, дававшее простор политическому воображению. На этой замкнутой территории решался вопрос о том, какими должно быть образование, семья, социальное государство, банковская система в «настоящем» демократическом мире. Демократия участия начинала говорить на новом языке ответственности, подвергавшем сомнению все традиционные институты и идеологии. В этом пространстве даже руководство движения не могло рассчитывать на кредит доверия. Казалось, что здесь все иерархии распадаются, а социальная энергия направляется на

укрепление «горизонтализма» - строительство горизонтальных связей, включая связи, идущие в обход отдельных регионов и национального государства в целом. Такой посыл позволил движениям быть гибкими, но при этом лишил их опоры в лице действующих институтов.

Борьба за городское пространства нередко приводила к ожесточенным столкновениям. Концентрация в одной точке городского пространства было сильной стороной движений, но лишь до той поры, пока власть готова был их терпеть. Она становилась их уязвимой точкой в тех случаях, когда им приходилось защищаться. Но даже в этом случае текучесть движений была их важным преимуществом. Позаимствовав метафору у Зигмунта Баумана, мы можем сказать, что эти движение имели текучий характер: они на время исчезали из вида, но назавтра возрождались в новой форме и в новом месте. В самом начале своего существования, по крайней мере, движения смогли переигрывать неповоротливое, вертикально организованное государство. И все же, как правило, репрессивные меры побеждали, вынуждая часть движений уходить в подполье, а часть рассеиваться, чтобы в дальнейшем либо возродиться, либо полностью сойти с арены. Однако при этом они оставляли в наследство будущим движениям новое сознание, видение новых возможностей, критику существующего порядка, отказывающую ему в том, чтобы считаться естественным и неизбежным. На этой основе рождалась новая неформальная политика.

За рамками теории социальных движений

Наша подходы к социальным движениям не могут ограничиваться такими показателями как стаж их деятельности или способность изменять общество. Социальные движения – это важнейший инструмент, с помощью которого может решаться проблема неравенства в мире. Они описывают мир неравенства и одновременно подвергают его критике, рождая надежду на лучшее будущее. Социальные движения необходимо поставить в центр новой критической социологии в эпоху, когда господство над обществом усиливается, а альтернативный взгляд на будущее становится настоящей проблемой. (Boltansky, 2011).

Социальные движения не стали центром внимания в классических теориях современного общества Э.Дюркгейма и М.Вебера. Они не придали большого значения социалистическим движениям той эпохи, хотя и рассматривали их как барометр настроений того общества, в котором они жили. Дюркгейм рассматривал социальные движения как симптом общественного нездоровья, а Вебер видел в них способ мобилизации иррациональных побуждений, свойственных харизматическим руководителям. В отличие от них К.Маркс рассматривал социальное движение и, прежде всего, движение рабочих как ключевой элемент его теории общества. Пролетариат он

рассматривал как субъект и объект истории, объект, сформированный историей для того, чтобы делать историю. Я постараюсь показать, что, выделяя рабочее движение из других движений, Маркс отдавал должное особым условиям, сформировавшимся в Европе 19 века.

Теория модернизации, появившаяся в 50-ые годы прошлого века, расширила традиции Вебера и Дюркгейма в трактовке коллективного действия как патологии. Структурный функционализм – гранд теорию, разработанную Т.Парсонсом и его коллегами, критиковали за то, что в ней отсутствует теория социальных изменений. Отвечая на эту критику, Н.Смелзер(Smelser, 1959) предложил рассматривать теорию коллективного действия как иррациональную реакцию на социальную дифференциацию. Его критика марксизма представляла движение рабочего класса в 19 веке как реакцию на дезорганизацию семейного производства, вызванную промышленной революцией. Он связывал движение фабричных рабочих не с той эксплуатацией, которой они подвергались, а с дифференциацией труда и семьи. В том же духе он затем разработал общую теорию «коллективного поведения» (Smelser, 1962).

Такой подход создал контекст, в котором развивалась современная американская теория социальных движений, связываемая, как правило, с такими именами как Чарльз Тилли, Уильям Гэмсон, Дуглас МакАдам и Сидней Тэрроу. Все они рассматривали социальные движения не как иррациональную реакцию на структурные изменения, а как рациональную форму внепарламентской политики. Они утверждали, что одними лишь социальными проблемами невозможно объяснить коллективное действие. Возможность коллективного действия они связывали с наличием ресурсов – экономических, политических и социальных возможностей, а также оптимальных фреймов, регулирующих поведение. Их взгляды существенно отличались от подходов их предшественников. Они ушли от понимания социальных движений как продукта иррациональных импульсов. Тем не менее, с поколением предшественников их роднило желание создать общую теорию социальных движений, которая была бы пригодна для объяснения любых ситуаций во времени и пространстве. В результате они потеряли из виду специфический контекст, в котором возникают движения. В построенных ими уравнениях контекстуальные переменные не играли сколько-нибудь значимой роли. И это притом, что общие теории строились на примерах конкретных социальных движений таких, как движение за гражданские права и других социальных движений 20-ого века, а в случае с Чарльзом Тилли на примере движений девятнадцатого века. Во всех случаях постулировалось, что движения имеют своим объектом государство. Различия между движениями превращались в доказательство их общей природы.

Европейские исследователи социальных движений, такие как Ален Турен и его ученики, выбрали иной подход. Они также не могли примириться с идеей того, что социальные движения – это иррациональная реакция на структурные силы. Турен сконцентрировал внимание на французском студенческом движении 60-х годов, на чилийском профсоюзном движении, на польском движении Солидарность и европейском движении против атомных электростанций. С точки зрения Турена все эти движения вобрали в себя особенности того периода, в которой возникли – периода постиндустриального или программируемого общества, управляемого «историчностью» - коллективным «самовоспроизводством». Он намеренно порвал с классической теоретической традицией, в которой история рассматривалась в категориях естественных законов, раскрытия таких метафизических понятий как разум, прогресс, рациональность и развитие. Когда-то «общества жили в истории, сейчас история живет внутри обществ, у них есть возможность выбирать свои организационные формы, ценности и траекторию изменений без того, чтобы легитимировать этот выбор отсылкой к естественным или историческим законам» (Touraine, 1988). Поэтому, полагает он, новые социальные движения в значительной степени отличались от движений, возникавших в период индустриализации. Новые социальные движения, «плывущие» в мире пост-материалистических ценностей, получили способность формировать направление исторического процесса. В этой концепции роль социолога заключалась в том, чтобы наделить социальные движения «сознанием» и помочь им строить мир по своему образцу и подобию. Нет ничего удивительного в том, что такое мессианское видение общества привело Турена в более поздних работах к пессимистическому восприятию социального мира, а в конечном итоге к признанию общества несуществующим. Непреходящая значимость того, что сделал Турен, состоит в том, что он поставил социальные движения в центр социологии – той социологии, которая обретает самосознание и видит свое место в истории.

Сегодня мы не имеем право утверждать (а было ли у нас такое право?), что живем в эпоху программируемого, постиндустриального общества, в котором государство и экономика ставят пределы хищническим инстинктам друг друга, находясь при этом под влиянием сил, рожденных гражданским обществом. Сегодня мы живем в мире, в котором государство и экономика усиливают друг друга, помогая друг другу расширить сферу влияния и угрожая гражданскому обществу. Короче говоря, мы живем в эпоху неолиберализма, чтобы не означало это понятие. Некоторые считают, что это – идеология, другие видят в нем практики. Одни полагают, что этот термин относится к государству, другие обозначают им форму функционирования капитала. Одни считают, что это понятие подразумевает уход государства, иначе говоря свободный рынок в духе

laissezfaire. Другие отождествляют его с усилением регулирующей роли государства. Одни полагают, что данное понятие подразумевает «самоуправляемость» и, соответственно, индивидуализм, другие прочитывают в нем конец общества.

Вместо понятия «неолиберализм» я предлагаю использовать термин «маркетизация», уточняя его значение по ходу дела. Такая замена даст мне, во-первых, сравнить нынешний период с предшествующими периодами «маркетизации» и, во-вторых, апеллировать к живому опыту, создающему предпосылки для рождения социальных движений – движений, реагирующих на разные измерения товаризации, - превращения объектов и явлений в товар. Я начну свои рассуждения не с Турена или Маркса, не с Вебера или Дюркгейма, а с работы Карла Поланы под названием «Великие трансформации», увязывающей процесс «маркетизации» с теми социальными движениями, которые он порождает.

Фиктивный товар: от товаризации к детоваризации

Тезисы Папы Римского очень похожи на рассуждения Поланы в его книге. «Великие трансформации» была впервые опубликована в 1944 году. Это – наиболее сильное описание тех угроз, которые в себе расширение рынка самому существованию общества – угроз столь серьезных, что общество, поставленное на грань гибели, вынуждено прибегать к самозащите. Понять живой опыт маркетизации и способы повернуть его вспять будет легче, если взять на вооружение используемый Поланой термин «фиктивный товар».

Поланой отвергается марксову идею эксплуатации как центральную точку опыта жизни при капитализме. Вместо этого он фокусирует внимание на деструктивной природе товаризации:

Если разрешить рыночным механизмам стать единственным хозяином человеческой судьбы, его естественной среды обитания, то даже рассматривая последствия в категориях покупательской способности, нельзя не видеть, что рынок приведет к уничтожению общества. Так называемой «рабочей силой» невозможно помыкать, невозможно использовать без ограничения или даже просто оставлять без использования, не влияя на того человека, который является ее носителем. Распоряжаясь товаром под названием «рабочая сила», система распоряжается при этом физическими, психологическими и моральными ресурсами, которые прилагаются к этому термину. Лишая людей защитной оболочки, которую дают им культурные институты, система обрекает их на гибель от последствий социальной незащищенности. Люди станут жертвами социальной неустроенности, спровоцированной бесправием, социальными деформациями, преступностью, голодом. Природа снова станет необоримой стихией, ландшафты и человеческие сообщества пострадают от загрязнений, реки наполнятся отходами,

возникнут новые военные угрозы, а способность общества производить продовольствие и сырье будет уничтожена. В конце концов рыночное управление покупательной способностью приведет в некоторые периоды к закрытию частных предприятий потому, что нехватка или избыток денег в экономике будет такой же катастрофой для бизнеса какими были для примитивных обществ потоп и засуха. Нет сомнений в том, что рынки рабочей силы, земли и финансов необходимы рыночной экономике. Однако ни одно общество не сможет вынести последствия подобной системы грубых фикций даже на короткое время, если его человеческая, природная среда, его бизнес организации не будут защищены от промысла дьявольской машины, движимой стремлением к маркетизации. (Polanyi, 2001 (1944): 76-77).

Полани настаивает на то, что рабочая сила, земля и деньги – три фактора, обеспечивающих производство – не могут быть предметом купли-продажи. Их неуправляемая товаризация уничтожает их «подлинную» или «сущностную» природу. Он полагает, что сущность этих факторов проявлялась в своей подлинности в прерыночных обществах. Если рабочая сила становится предметом рыночного обмена, но не имеет при этом защиты от травматизма, болезни, безработицы или сверхзанятости, зарплата ниже уровня выживания, то она быстро деградирует и становится бесполезной. Земля или, если брать более широко, природа, становящаяся товаром, не может обеспечивать базовые потребности человеческой жизни. Наконец, если деньги используются для того, чтобы сделать еще больше денег, например в валютных спекуляциях, они становятся настолько неустойчивыми, что не могут посредничать в операциях обмена, а в результате разоряются предприятия, наступает экономический кризис.

В наши дни мы должны добавить к уже упомянутым еще один, четвертый тип товара – знания. Это не только важнейшим ингредиент современной экономики, но, ко всему прочему, условие существования трех других факторов (Jessop, 2007). Информационные технологии изменили процесс труда, создали условия, при которых продажа рабочей силы стала еще более острой проблемой, чем прежде. Информационные технологии находятся в основании новых финансовых технологий, и новых способов трансформации природы (например, с помощью генетических изменений). В то же время сама информация становится товаром, ее производство и распространение все чаще служат нуждам тех, кто может ее купить. О свободном распространении информации уже речь не идет. Большое значение имеет и то, что университет – важный центр производства и распространения информации во все большей степени ориентирован на частные, а не общественные интересы, интересы отдельных групп, а не интересы общества в целом, интересы

сиюминутные, а не долгосрочные. В результате знание тоже становится фиктивным товаром.

Как же присутствие фиктивных товаров влияет на живой опыт маркетизации? Фиктивные товары могут быть связующим звеном между расширением рынка и движением, стремящемся к его ограничению. Поланы именуется этот тип двойным движением, однако не уточняет, в каких обстоятельствах и по каким причинам это движение происходит. Что в процессе товаризации рабочей силы, земли и денег дает толчок возникновению социальных движений?

Поланы подчеркивает, что сам акт обмена способен идти вразрез с сущностной природой земли, денег и рабочей силы. Действительно торговля людьми и человеческими органами может вызвать такое отвращение, что в результате даст импульс рождению социального движения. Однако маловероятно, чтобы участниками этого движения стали те, кого продают или покупают, или те, кто выставляет свои органы на продажу. Иной вариант заключен в ситуации, когда социальные движения возникают как реакция на снятие ограничений на товаризацию, когда происходит то, что мы называем ретоваризацией. Примером этого становится уменьшение объема социальных обязанностей государства, запрещение действующих профсоюзов, нарушение или отмена законов, защищающих наемный труд. В общественном сознании присутствует понимание того, что ряд вещей не должны становиться товаром ни при каких обстоятельствах.

Существуют, однако, альтернативные пути генезиса социальных движений, не связанные с процессом обмена. Поланы, лишь походя, упоминает о процессах, посредством которых объекты или люди становятся товаром. Речь идет об извлечении товара из его социальной оболочки. Данный процесс Дейвид Харви (Harvey, 2003,2005) назвал накоплением через лишение прав собственности. В работах Поланы данный вариант товаризации выведен на периферию. В тех случаях, когда он упоминает о нем, например, говоря об огораживании, он преуменьшает роль насилия, сопровождающего его. Когда Маркс писал о «первоначальном накоплении», он видел цель изъятия земель в создании наемной рабочей силы. В настоящее время лишение крестьян прав собственности на землю ставит иную цель – превратить землю в товар. При этом численность наемных рабочих увеличивается и, соответственно, как следствие введения земли в товарный оборот увеличивается число безработных. Однако какова бы ни была цель, изъятие земель вызывает упорное сопротивление со стороны крестьян.

Не менее яркий пример – экспроприация знаний ремесленников для целей депрофессионализации (Braverman, 1974), провоцировавшая в прошлом мощные движения работников. В настоящее время речь идет не столько о депрофессионализации

работника, сколько о приватизации и товаризации самого продукта, то есть знания. Например, в ходе приватизации университетов лишение собственности предполагает превращение знания из общественного блага в платный продукт. Данный процесс привел к корпоративизации университетов, увеличению их зависимости от растущей платы за обучение и выдаче все более обесценивающихся дипломов. Это также вызывает значительный протест.

Однако не только изъятия, призванных стимулировать процесс товаризации, но и порождаемое им растущее неравенство также становится причиной возникновения социальных движений. Например, продажа рабочей силы все чаще сопровождается расширением «прекариата» - зоны социальной нестабильности. В «прекариате» оказывается все большая часть населения. Гай Стэндинг (Standing, 2011) полагает, что прекариат пришел на смену пролетариату 19 века. Товаризация рабочей силы приводит к появлению семей, в которых роль кормильца берут на себя оба супруга, а это, в конечном итоге, негативно влияет на процесс воспроизводства и приводит к дефициту заботы о детях (Fraser, 2013). Товаризация рабочей силы усугубляется товаризацией денег, увеличению денег в обороте вследствие ставки на закредитованность. Фуркад и Хили (FourcadeandHealy, 2013) утверждают, что долги и кредиты стали важной характеристикой современной стратификации, а это вызвало к жизни общественные движения за отмену долгового рабства.

Различия между лишением прав собственности как формой товаризации и неравенством, как его следствием, имеет прямое отношение к тому различию между эксклюзией и неравной инклюзией, о которой мы говорили ранее. Поланы занимался проблемой товаризации и регулирования, взаимосвязью между ретоваризацией и детоваризацией, но прошел мимо процесса экстоваризации - исключения объектов из рыночного оборота, в результате которого то, что некогда было товаром, перестает быть таковым. Экстоваризация концентрирует внимание растущем производстве отходов, в результате которого полезные вещи выводятся из обихода, деградируют и перестают быть товаром. На фоне экстоваризации сама товаризация выглядит как вполне привлекательная перспектива.

По отношению к рабочей силе прекариат означает на самом деле эксклюзию на рынке труда. Как давно говорила Джоун Робинсон, ситуация, которая хуже всякой эксплуатации, - это ее полное отсутствие. Во многих странах и регионах и все чаще рост резервной армии труда превращает эксплуатируемых в привилегированную категорию. Огромные массы населения вытесняются в неформальный сектор экономики, где они ведут полуголодное существование, занимаются мелкой торговлей и производством товаров

друг для друга. По отношению к природе прекариат означает отсутствие рынка, который устанавливает цены на ресурсы. Говоря об изменении климата, Николас Штерн (Stern, 2007) заметил, что отношение рынка к природе выглядит как его самая большая неудача: мы разоряем природу потому, что платим за эксплуатацию природных ресурсов низкую цену. Иными словами, природа изничтожается потому, что она недостаточно товаризована. По мнению других исследователей таких, как Нил Смит (2007) и Кастри (Smith, 2003; Catree, 2008), мы имеем дело с противоположной ситуацией: именно включение природы в оборот капиталистической экономики приводит к ее деградации.

Иная ситуация складывается там, где объектом товаризации становятся деньги и знания. В этом случае речь может идти не столько о деградации, сколько об искаженном использовании – производство знания подстраивается под тех, кто может за него заплатить, а производство разных типов финансовых ресурсов используется для того, чтобы получать прибыли за счет долговых обязательств. В этом случае реакция общества заключалась в том, чтобы очертить социальное и экономическое пространство, в котором товаризация исключается или регулируется. Так, Майкл Боуэнс (Bauwens, 2009) характеризует особую ситуацию «равенства в производстве» и борьбы за общий доступ к информационным ресурсам в поле производства и использования программных средств с открытым кодом и регулирования в использовании интернет ресурсов. Мишель Лальман (Lallement, 2015) изучал группы хакеров-анархистов, работавших в лабораториях Сан-Франциско и экспериментировавших с новыми технологиями такими, как трехмерные производственные агрегаты. Перед лицом товаризации денежных, финансовых ресурсов многие ограничивают себя обменом, в котором деньги перестают играть главную роль, или вообще отказываются от денег, заменяя их бартером. В постсоветской России быстрый переход к рынку и девальвация рубля привели к появлению новых валют и новых форм бартерного обмена (Woodruff, 1999). Подобные шаги выглядят даже не как экстотаризация, а как «антитоваризация» - движение против товаризации в ограниченном масштабе.

Понять реакцию общества на товаризацию можно только если отвлечься от конкретных характеристик фиктивного товара и перейти к изучению взаимосвязи между фиктивными товарами в историческом контексте. И в самом деле, настоящую природу общественных движений можно понять только если рассматривать ее не как продукт товаризации какого-то одного фиктивного товара, а как реакцию на одновременную товаризацию или экстотаризацию рабочей силы, финансов, природы и знаний. Так в работах Ананья Рой (Roy, 2010) и Ханих (Hanieh, 2013) арабская весна представляется как перекрестный эффект прекариата рабочей силы изакредитованности вследствие распространения

дорогостоящих микрокредитов. Экологические движения лежат на пересечении деструктивной товаризации природы и прекариата рабочей силы. Если рассматривать движения как продукт фиктивной товаризации, то появляется возможность понять не только те силы, которая стоят за протестами, но тот язык, на котором они разговаривают. Движения Оккупай и Индигнадос ставили во главу угла проблему финансового капитала, который вызывает прекариат, закредитованность и приватизацию знаний. Риторика этих движений проливает свет на последствия нынешней волны маркетизации. Ее смысловое наполнение очень похоже на критику Поланы проблемы фиктивного товара.

Анализ товаризации и экстотаризации с точки зрения создания и распространения фиктивных товаров помогает понять не только причины возникновения тех или иных движений в разных частях земного шара, но и определить разные исторические периоды маркетизации. Второй шаг заключается в том, чтобы реконструируя процесс Великой Трансформации, выявить особый характер современного процесса маркетизации, так называемой эпохи неолиберализма.

Третья волна маркетизации и проблемы протестных движений

В действительности Поланы не ставит целью детально изучить проблему фиктивных товаров. Его больше занимает величественная картина социальных изменений, которая начинается наступлением маркетизации в конце 18 века и заканчивается тридцатыми годами прошлого века, ознаменовавшимися мощными движениями протеста. Итогом их деятельности стал Новый Курс президента Рузвельта, усиление социал-демократических движений, а также попытки ограничить свободу такие как фашизм и сталинизм. Двойная угроза, которую несет в себе маркетизация – угроза самому выживанию общества, с одной стороны, и угроза свободе, вытекающая из уничтожения общества, с другой, - заставили Поланы поверить в то, что человечество никогда больше не станет экспериментировать с рыночным фундаментализмом.

Мы утверждаем, что идея саморегулирующегося рынка – это откровенная утопия. Подобный институт не может существовать сколько-нибудь продолжительное время, не уничтожая человеческие и природные основания жизни общества. Итогом его функционирования стало бы физическое уничтожение человека и превращение его среды обитания в пустыню. Естественным образом, общество принимает меры для того, чтобы защитить себя, но те меры, которые были приняты, нарушили процесс

саморегулирования рынка, дезорганизовали процесс промышленного производства и, тем самым, создали новые угрозы обществу. (Polanyi, 2001 (1944): 3-4).

Однако Поланы ошибался. Начиная с 1973 года, мир охватила новая волна рыночного фундаментализма. Эта волна имела далеко идущие последствия для истории капитализма и определила особенности его современного периода. До определенного момента анализ современного капитализма, который предложил Пикетти с точностью совпадает с выкладками Поланы. Действительно, начиная с 70-х годов прошлого века и далее уровень неравенства в обществе растет, прибыльность капиталов продолжает увеличиваться и это притом, что экономический рост замедляется. Пикетти предполагает, что мы вернемся в 19 век, но уступок больше не будет. В мире утвердился «патримониальный» тип капитализма, богатые и сверхбогатые будут купаться в растущих прибылях. Симптоматично, что несмотря на очевидное сходство выводов Пикетти в своей работе не упоминает Поланы. Мы должны дополнить выводы Пикетти в духе Поланы, ответив на его апокалиптический сценарий не каким-то утопическим упованием на вмешательство государства, не надеждой на некий налог на богатство, а тем, что Поланы называет контрдвижение. Мы должны ответить на вызовы, которые представил нам Пикетти, реконструкцией теории контрдвижений, опирающуюся на историю последних 70 лет.

Признав в мировой экономике, начиная с 70-х годов прошлого века, наступила новая волна маркетизации, мы должны подвергнуть сомнению тезис Поланы о том, что «длинная дуга» маркетизации осталась в прошлом и больше не повториться. Вглядываясь в прошлое, мы обнаруживаем три волны маркетизации, с каждой из которых ассоциируется реально существующие или (в случае с третьей волной) потенциальное контрдвижение. В английской истории, которую Поланы изучал подробнее других первая волна началась в конце 18 века. Она ознаменовалась законом Спинхэмлэнда 1795 года, затруднившим становление национального рынка труда, и получила полное воплощение в Законе о новых бедных 1834 года. В результате, доведенный до предела рынок труда, всколыхнулся, дав рождение собственному контрдвижению: «Отмена закона Спинхэмлэнда стало настоящим днем рождения современного рабочего класса, чей самый непосредственный интерес состояла в том, чтобы защищать общество от угроз, рождаемых цивилизацией машин». (Polanyi, 2001 (1944): 105). Анализируя Закон о новых бедных, Поланы писал: «Коротко говоря, Закон Спинхэмлэнда означал загнивание вследствие отсутствие в обществе мобильности. Новый закон принес с собой угрозу гибели вследствие отсутствия всякой защищенности работника. Однако одновременно сработала самозащита общества: были приняты законы о фабричном труде и социальные законы. В

результате возникло политическое движение промышленного рабочего класса. (Polanyi, 2001 (1944): 84.)

Контрдвижение привело к формированию рабочего класса через движения фабричных рабочих, кооперативы, профсоюзы, чартистское движение и создание политических партий. Ситуация осложнялась отменой Закона о зерновых в 1944 году, в результате которой английское сельское хозяйство столкнулось с серьезной конкуренцией со стороны иностранных производителей. Дополнительные сложности возникли вследствие Закона о банках, принятого в 1848 году и регулировавшего оборот национальной валюты. Однако несмотря на это фиктивный товар, которым была на тот момент рабочая сила, выступил в роли локомотива социальных реформ, направил усилия на отстаивание таких прав работника как ограничение длительности рабочего дня, права на создание профсоюзов, расширение прав женщин.

Вторая волна маркетизации началась после Первой мировой войны и привела к усилению роли внутренних рынков, ретоваризации рабочей силы и развитию свободной торговли на основе золотого стандарта. Это было выгодно для государств-империй таких, как США или Великобритания, но для тех стран, которые пытались с ними конкурировать таких, как Италия или Германия, ограничения, накладываемые жестким обменным курсом, привели к катастрофическим последствиям для экономики, галопирующей инфляции. Последствием этого стала экономическая изоляция этих стран и поворот к реакционному режиму регулирования экономики. События в Германии и Италии бумерангом отозвались на США и других странах Европы, спровоцировав Великую депрессию. Ответом на нее стало вмешательство государства и рыночное регулирование, которое в этом случае носило прогрессивный характер. После разгрома фашистских режимов во Второй мировой войне возобладали режимы либерального толка. Даже в СССР в 50-ые годы наблюдались признаки либерализации. В развитых капиталистических странах доминирующим трендом в экономике стало кейнсианство, а в экономической науке взял верх «априорный либерализм». В социологии заговорили о конце идеологий, но это продолжалось недолго. Напряжения, копившиеся в обществе, нашли выход в социальных движениях 60-х годов. Различия между первой и второй волной маркетизации подтверждают идею Поланы, согласно которой кризисное состояние государства и общества - это наиболее вероятный ответ на рыночный фундаментализм. Подъем гражданского общества стал тем фоном, на котором развивалось первое контрдвижение. Во втором случае контрдвижение сделало объектом воздействия государство. В это время права работника трансформировались в социальное право - стали выплачиваться пособия по безработице, новые законы определили минимальный уровень заработной платы, право на охрану здоровья и

образование. Социальные права получили обоснование в странах с разными политическими режимами и стали возможными благодаря различным формам государственного регулирования рынков.

Третья волна маркетизация, которую Поланы никак не предвидел, началась в 1973 году. Ее отправной точкой стал энергетический кризис, а результатом – так называемый Вашингтонский консенсус. Важной его составляющей стала возобновившееся наступление на права рабочего класса. По мере развития Вашингтонский консенсус расширял свое влияние, положив начало ретоваризации денег, доминированию финансового сектора экономики (Krippner, 2011) и углубляющейся товаризации природы – атмосферы, земли и воды. Коллапс государственного социализма, выраженный в полном драмы распаде советского блока социалистических государств и эволюционной трансформации Китая, придал третьей волне маркетизационный импульс. Структурные реформы начались в Латинской Америке как раз в тот момент, когда она выходила из периода диктатур и тестировала новые формы демократии участия. Если в развитых странах волны маркетизации следовали одна за другой, растянувшись на два века, то в странах периферии они скоротечно сменяли одна другую, приводя к взрывному росту социального напряжения.

Пока мы наблюдали реакцию на маркетизацию на уровне отдельных государств. Порой она принимала формы исламского национализма, порой проявлялась в социализме с разными оттенками, как это происходило в Латинской Америке. Но эти попытки не смогут остановить третью волну маркетизации потому, что настоящее сопротивление ей возможно только на глобальном уровне. Только глобальное социальное действие может быть ответом на глобальный характер финансового капитала. Только глобальное сопротивление может предотвратить экологическую катастрофу, которая угрожает жизни всего человечества. Финансовый капитал – это та сила, которая провоцирует прекариат рабочей силы, ее товаризацию и, соответственно, ретоваризацию (Dorre, 2012). Именно финансовый капитал стоит за растущей закредитованностью населения. Речь идет о процессе, который характеризует не только положение отдельного человека, но локальные сообщества, города, государства и даже целые регионы мира. Финансовый капитал – это та сила, которая товаризует знание и привязывает его к процессу производства. Вместе они вовлекают в процесс накопления природные ресурсы (Smith, 2007). Контрдвижение, способное остановить разрушительные процессы, должно быть глобальным. В его основе должна лежать идея защиты прав человека, поскольку сам существование человеческого рода находится под угрозой.

Возникает вопрос: в какой степени те социальные движения, которые упоминались выше сложились в то контрдвижение против маркетизации, о котором писал Поланы? Во-первых, необходимо учитывать, что эти движения, несмотря на то, что они связаны между собой и влияют друг на друга, формируются, прежде всего, на национальной почве. Им непросто найти дорогу к глобальной солидарности. Во-вторых, важно понимать, что несмотря на то, что товаризация охватывает не одну, а множество стран, побуждая народы к сопротивлению, формирование объединенного фронта для борьбы с ней – это сложная задача даже в рамках одной, отдельно взятой страны. В-третьих, движения, возникающие как реакция на маркетизацию, могут иметь в качестве непреднамеренного последствия расширение маркетизации.

Подобную ситуацию можно проиллюстрировать на примере экологического движения. Организация переработки потребительских отходов превратилась в доходный бизнес, отвлекая внимание от гигантского роста объема производственных отходов (Barnard, 2015; Jaeger, 2014). Проблема климатических изменений не решается, глобальное потепление нарастает, но при этом возник специфический рынок парниковых газов – купля – продажа права на выбросы углеродных газов в атмосферу, расширяющая сферу влияния рынка. Рабочим движения часто приходится принимать условия рынка в борьбе против прекариата. Протесты против приватизации высшего образования часто превращаются в борьбу за понижение платы за обучение, или поиск альтернативных источников финансирования университетов в частном секторе, а также поощрение найма временных преподавателей. Во всех подобных случаях борьба с последствиями товаризации приводит к дальнейшему расширению рынка. С другой стороны, даже несмотря на ограниченный масштаб деятельности, фрагментированные интересы и непреднамеренные последствия в форме расширяющейся маркетизации, эти движения могут сыграть важную роль, привлекая внимание к деструктивной природе рынка. В мире, где рынок, как правило, представлен как решение всех проблем, идеологическая альтернатива господству рынка выглядит как важная предпосылка возникновения эффективного контрдвижения.

Возникает вопрос, в какой точке кривой третьей волны маркетизации мы находимся? Оптимисты считают, что третья волна маркетизации пошла на спад и находимся на пути к ее ограничению. Другие полагают, что процесс товаризации далеко не закончился. Многие социологи, включая меня, в какой-то момент считали, что экономический кризис 2008 года и вызванные им изменения в структуре глобального доминирования откроют возможность для возникновения контрдвижения. Однако эти надежды не оправдались. Кризис 2008 года не только не ограничил маркетизацию, он дал ей новый импульс,

расширив область влияния финансового капитала, сняв с повестки дня меры, направленные на сохранение окружающей среды. Если ситуация будет и дальше развиваться в этом направлении в каких формах будет происходить экологическая катастрофа? Вероятнее всего, не будет какой-то одной большой катастрофы, а будет череда все более серьезных катастроф, которые будут наносить ущерб, прежде всего, бедным странам и регионам. Возможно контрдвижение, способное обратить эту тенденцию вспять, появится в отдаленном будущем, но возможно оно не появится никогда.

Теперь ясно, как Поланы мог бы комментировать историю неравенства, представленную Пикетти. Цифры, фиксирующие уровень неравенства, приведенные Пикетти, будь то неравенство в распределении богатств или доходов, исходят из того, что капитал – это некое общее состояние, измеряемое рыночной стоимостью. В его аналитических выкладках не учитывает специфические формы неравенства, продуцируемые разными видами капитала – отношения, рождающие чувство незащищенности работника, возникающие вследствие товаризации рабочей силы, отношения закредитованности, связанные с товаризацией денег, отношения, вытекающие из лишения прав собственности, порождаемые товаризацией природы и знаний. Абстрагируясь от конкретных видов капитала, Пикетти оставляет за рамками анализа его последствия такие, как крайняя нужда, маргинализация, лишения прав собственности, экономический и экологический кризисы.

Динамика капитализма: от идеализма к политической экономии

Поланы делает два ошибочных заключения. Во-первых, он считает, что следующая волна маркетизации невозможна, а, во-вторых, он полагает, что, даже если она нагрянет, в ответ неизбежно возникнет контрдвижение. Единственный вопрос, - утверждает он – заключен в том, какую форму оно примет, будет ли это движение направлено на расширение свободы или против нее. Подобные заблуждения имеют общую природу: Поланы анализировал маркетизацию как явление, которое вызвано к жизни определенными идеями. Отсюда вывод о том, что предотвратить маркетизацию можно подвергнув ее критическому анализу. Даже если мы на время забудем о его прогнозах, в сухом остатке останется его взгляд на экспансию рынка как продукт мышления английских политических экономистов. Последние находились под впечатлением от закона Спинхэмлэнда, остановившего развитие рынка труда. По мнению Поланы, вопиющая

утопия либеральной идеи стала силой, создавшей предпосылки для свободного рынка в духе *laissezfaire*.

Сравнивая мировые гегемонии двух стран – Великобритании и США – Сильвер и Арриги (SilverandArrighi, 2003) задаются вопросом, насколько точно Поланы представлял себе начало процесса маркетизации. Они утверждают, что рыночный фундаментализм 19 века имел в качестве причины доминирующую позицию Великобритании в мировой экономике. Благодаря этой своей позиции, Великобритании получала наибольшие преимущества от свободной торговли. Ситуация изменилась после того, как гегемонии Великобритании стала угрожать имперская Германия, а затем, на более поздних этапах США. Гегемония США имела иные основания, поскольку эта страна не имела империи и была в значительной степени самодостаточна. После Второй мировой войны США отстраивали собственную гегемонию, используя для этого регулирование рынков с помощью измененного золотого стандарта (Бреттон-вудская система), плана Маршалла для стран Европы и проектов развития в странах Третьего мира. Рыночная идеология, которую пропагандировали США, носила декларативный характер, поскольку внутри страны власти прибегали к протекционизму. Упадок американской гегемонии сопровождался, как и в случае с Великобританией, усилением американского финансового сектора, привлекающего инвестиции из всех возможных источников за пределами страны. Анализ процессов, приводящих к упадку, - это непростое дело, поскольку, охраняя позицию гегемона, США приходилось отвечать на вызовы национализма и коммунизма в развивающихся странах. Тем не менее, это необходимо сделать для того, чтобы понять материальные факторы, приводящие к подъему и упадку маркетизации (Arrighi, 2003).

В основе истории и теории капитализма, которую предложил Арриги, лежит утверждение о том, что мировые гегемонии создаются последовательно – в Голландии, Великобритании и США – вследствие процесса сверхнакопления, приводящего к господству финансового капитала. Он предполагает, что следующим мировым гегемоном станет Китай, который займет лидирующие позиции после того, как мировой экономический кризис подорвет американскую гегемонию (Arrighi, 2007). С точки зрения Арригимаркетизации в форме господства финансового капитала завершается после того, как смещаются центры мировой политической гегемонии, а мировой капитализм претерпевает структурные изменения.

Второй подход заключается в том, чтобы связать волны маркетизации с изменением технологической структуры капитализма. Развивая идеи Кондратьева, опираясь на данные

по мировому производству, безработице, размерам прибыли и производительности труда, Эрнест Мандель (Mandel, 1995) выявил пять волн маркетизации: 1790-1850 с поворотным пунктом в 1815 году; 1850-1890 с поворотным пунктом где-то около 1870 года, 1890-1940 с поворотным пунктом около 1913 года; и с 1940 года по настоящее время с поворотным пунктом около 1973 года. Каждая волна маркетизации имела в основании специфический способ накопления, связанный с внедрением новых технологий. В каждом случае имел место цикл, включавший в себя этап экономического роста, за которым следовал этап сжатия экономики. Второй этап, как правило, совпадал с расширением рынков. Цикличность эволюции свойственна капитализму, однако толчком к расширению рынков служила совокупность субъективных факторов, включавших в себя войны, уровень классовой борьбы, степень распространения тех или иных идеологий. Иными словами, расширение рынков для преодоления кризиса 1970-х годов можно считать объективным процессом, но возникновение контрдвижений находится в сфере субъективного. Данные рассуждения возвращают нас к вопросу о политическом происхождении контрдвижений. Такая постановка вопроса позволяет получить более реалистичную картину тех конфликтов, которые рождает маркетизация, чем идеалистические рассуждения Поланы. Ни идеализм Поланы, ни апелляция к морали Папы римского, ни критические выкладки Пикетти, осуждающие растущее неравенство, не дают возможности увидеть капитализм в динамике. У экономиста растущее могущество власти денег и богатства вызывает не меньшую оторопь, чем критика капитализма Папой Римским. Даже с учетом этого, предложение Пикетти рассматривать капитал как целостный монолит не выдерживает критики. От него ускользает не только деструктивный характер разных форм капитала, но и то, как разные фракции правящего класса вступают между собой в отношения конкуренции и, тем самым, вызывают изменения капиталистического порядка. Как ни важен произведенный Пикетти анализ неравенства, он будет неполным без экскурса в сферу политической экономии и недостаточен для диагностики той катастрофы, к которой идет человечество. Однако политическая экономия также имеет ограничения: она делает акцент на сфере производства и недооценивает значение живого опыта маркетизации. Необходимо соединить политическую экономию с глобальной социологией, которая представлена в работах Поланы.

Вызовы глобальной социологии

В своей работе «Знание и человеческие интересы» Юрген Хабермас охарактеризовал три модальности знания – позитивистскую, герменевтическую и критическую, а также описал

три типа интереса, которые им соответствуют. Двигаясь в той же логике, я хотел бы представить три способа борьбы мировым неравенством: изучение его структуры и динамики, понимание того, в какой точке наблюдения находимся мы сами и описание тех способы, посредством которых мы можем снять с него покров тайны и противостоять его деструктивным последствиям. На этом пути работа Карла Поланы «Великие трансформации» стала моим постоянным спутником.

Эта книга охватывает два века истории человечества, связывая воедино микроопыт товаризации, политику на уровне государства и глобальную экономику. Если принять во внимание нынешнюю волну маркетизации, необходимо признать, что в некоторых пунктах его аргументации Поланы допустил ряд ошибок, которые необходимо исправить. В сумме изменения должны коснуться следующих его выводов:

1. Новый взгляд на истории с позиции сегодняшнего дня заставляет нас пересмотреть трактовку маркетизации как одной волны и представить маркетизацию как процесс, состоящий из трех волн: первая волна, охватывающая 19 век, вторая волна, «накатившая» в 20 веке и третья волна, начавшаяся в 20 веке и продолжающаяся до настоящего времени.
2. Изучая контрдвижения, возникавшие в период каждой из упомянутых волн, важно различать движения, которые брали начало в гражданском обществе от движений, которые создавались при поддержке государства. Необходимо осовременить взгляд Поланы на отношение государства и общества, рассматривая их, прежде все как сложный комплекс отношений между государством и гражданским обществом.
3. Необходимо учесть, что любое контрдвижение, выступающее против рыночного фундаментализма, концентрируется на проблемах, возникающих в отдельных странах, но имеет перспективу только, если оно принимает глобальные масштабы. Возникновение подобных контрдвижений не является неизбежным. Надо понимать, что даже если такое движение возникает, оно может быть как прогрессивным, так и реакционным.
4. Деструктивный характер рынка может быть понят, если изучать его проявления в форме фиктивных товаров, каковыми являются природа, рабочая сила и деньги, а также, вдобавок ко всему, знания. Разные формы товаризации могут быть адекватно поняты только во взаимосвязи друг с другом как совокупный фактор, влияющие на повседневную жизнь людей.
5. Каждый фиктивный товар создает собственную форму неравенства. Это может быть прекариат в случае с рабочей силой, закредитованность в случае с

- финансовыми ресурсами и лишение прав собственности в случае с природой и знаниями.
6. Производство фиктивных товаров происходит благодаря процессу, который некоторые называют «изъятием». Это мягкая формула для процесса, за которым стоит насильственное лишение прав собственности, медленное, но разрушительное повседневное насилие (Nixon, 2011).
 7. «Экстоваризация» также важна, как товаризация. Производство отходов также важно, как и производство стоимости. Эксклюзия, выбрасывающая работника из рынка, вызывает такой же протест, как и неравная инсклюзия.
 8. Изучая возможности возникновения контрдвижений, мы должны сфокусировать внимание на движущих силах маркетизации, силах, которые рождены динамикой самой капиталистической системы.
 9. Только приняв во внимание эти соображения, можно задаться вопросом, какие движения, сознательно или неосознанно, способствуют маркетизации или, напротив, ведут с ней борьбу.

Осовременивая взгляды Поланы в подобном ключе, социолог сталкивается вновь с опасностью ложной универсализации его суждений. Поланы критически относился к колониализму, но при всем этом ему был присущ западный ракурс зрения на изучаемые проблемы. Расширение понятия «фиктивный товар», признание взаимозависимости товаризации и экстоваризации может пролить свет на природу социальных движений во всех частях земного шара. Возникает вопрос: в какой степени представление о трех волнах маркетизации пригодно для описания ситуации в Латинской Америке, Азии и на Ближнем Востоке? Можно ли распространить взгляды Поланы на южное полушарие, или они обречены быть привязанными к Европе?

Социология становится более инклюзивной. Ориентализм уступил место глобальной социологии, которая готова говорить о разных опытах людей. Мы больше не можем выдавать частное – будь то американский или французский опыт, опыт местного населения или колонизаторов - за универсальное. Однако было бы неправильно оказаться снова в болоте партикулярных, раздробленных опытов, особенно если это опыты социальных движений и не только. Задача социологии заключается в том, чтобы слышать социальные движения, но при этом давать слово жертвам эксклюзии.

Таким образом, глобальная социология – это не только социология общества, но и социология в обществе, признающая роль социолога как ученого в планетарном масштабе. Важно понимать, что социологи имеют собственное место не только в

планетарном пространстве, но и в истории. Смена волн маркетизации способствовала последовательному появлению новых социологии – социологии сообщества, государства и глобальной социологии. Исследование социальных движений также имеет свою историю. Современная теория социальных движений наследует свои подходы из прошлого, из 60-х и 70-х годов прошлого века, когда капитализм переживал период подъема, который обеспечивался регулированием рынков. Контекст третьей волны маркетизации требует новой теории социальных движений, способной объяснить события новой эпохи и предложить альтернативу, то есть то, что Эрик Райт (Wright, 2010) назвал «реальной утопией».

Социологи как двуликий Янус. Они одновременно участвуют в жизни общества и наблюдают его. Мы говорим о подобном типе рефлексивности не для того, что показать невозможность научного подхода в социологии. Напротив, только на таких условиях и возможен подлинно научный подход, продвижение к настоящим, а не ложным универсалиям. Смириться с идеей о том, что мы сами часть живого опыта, непросто во времена, когда само производство знания, включая социологическое знание, подвержено процессам рационализации и товаризации. Мы более не можем притворяться, что находимся вне общества во времена, когда общество вторгается в жизнь академического сообщества. Мы стоим перед выбором – мы можем сами принять участие в товаризации, продать наши знания тому, кто даст наивысшую цену, или объединиться с теми силами в обществе, которые переживают судьбу, схожую с нашей. Нейтральной зоны больше нет, внешний наблюдатель больше невозможен.

Исходя из этого, мы можем сформулировать три вызова глобальной социологии. Первый заключается в том, чтобы развить социологию общества, второй – в том, чтобы определить место социологии в обществе, и третий – в том, чтобы создать, сконструировать социологию для общества, способную защищать ее собственный объект – гражданское общество. Ведь в гражданском обществе лежат сами основания социологии. Наука социология возникла во второй половине 19 века параллельно с гражданским обществом. Она была одной из реакций общества на первую волну маркетизации. На протяжении всей ее истории социология занимала твердые позиции защиты гражданского общества в его борьбе против рыночного фундаментализма. Это утверждение верно не только в отношении Маркса, Вебера или Дюркгейма. На аналогичных позициях стояли Парсонс, Уоллерштейн, Турен и Бурдье. Однако было бы неверно останавливаться только на проблемах гражданского общества. За границами гражданского общества существуют другой мир – мир изгоев рынка. Этот мир населяют те, кого подвергли эксклюзии и чьи судьбы легли в основу новых теоретических

изысканий – феминистических теорий, гей-теории, критической расовой теории и в целом теориидоминируемых социальных групп (Chatterjee, 2004). Задача социологии в том, чтобы изучать последствия третьей волны маркетизации и, в частности, эксклюзии и неравной эксклюзии. В этом она противостоит традиционной экономической науке, за исключением отколовшихся от нее диссидентов. Традиционная экономика и во все большей степени традиционная политология занимаются тем, что укрепляют идеологию, оправдывающую третью волну маркетизации и те государства, которые ее продвигают.

Рефлексируя по поводу дилемм, с которым сталкиваются общественные науки, Комиссия Гулбенкина (Gulbenkian, 1996), возглавляемая Иммануилом Уоллерштейном, призвала к преодолению междисциплинарных границ. Деятнадцатый век оставил общественным наукам наследство в форме разделения государства, экономики и гражданского общества. В двадцатом веке границы между ними утратили четкие очертания, но сегодня мы возвращаемся в 19 век. Если бы была возможность создать единую общественную науку, то господствующими дисциплинами стали бы экономика и политология, а социология просто исчезла бы, а вместе с ней исчез бы и критический анализ общества. Именно поэтому будущее социологии в том, чтобы стать ближе к таким соседствующим дисциплинам как антропология и социальная география, важным аспектом которых является изучение последствий деструктивной экспансии рынка. Надо понимать, что социология не выступает против рынка как такового, она лишь за то, чтобы рынок оставался в определенных границах. Как отметил Папа Римский, рынок должен быть под контролем общества, а не общество под контролем рынка.

Если сам глава католической церкви и ведущие экономисты идут навстречу социологии, то наша обязанность отвечать им том же духе, развивая в социологии критическое начало и усиливая ее присутствие в обществе. В борьбе против неравенства социология занимает уникальные позиции. Она в состоянии, во-первых, понять конфигурацию неравенства на пересечении нескольких его измерений, во-вторых, признать, что мы сами проживаем нашу жизнь в мире неравенства, где вместе с нами действуют социальные движения. И, наконец, осознать тот факт, что, несмотря на все различия между нами, наша общая судьба как социологов накрепко связана с судьбой всего человечества.

Литература

Abaza M (forthcoming) Post January revolution Cairo: Urban wars and the reshaping of public space. Theory, Culture and Society.

- Agarwala R (2013) *Informal Labor, Formal Politics, and Dignified Discontent in India*. New York: Cambridge University Press.
- Alexander P, Lekgowa T, Mmope B et al. (2013) *Marikana: Voices from South Africa's Mining Massacre*. Johannesburg: Jacana Media.
- Arrighi G (1994) *The Long Twentieth Century*. London: Verso.
- Arrighi G (2003) The social and political economy of global turbulence. *New Left Review* 20: 5–71.
- Arrighi G (2007) *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-first Century*. London: Verso.
- Barnard A (2015) *Waving the Banana at Capitalism: Freegans and the Politics of Waste in New York City*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Bauman Z (2000) *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Bauwens M (2009) Class and capital in peer production. *Capital and Class* 97: 121–141.
- Bayat A (2013) *Life as Politics: How Ordinary People Change the Middle East*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Benski T, Langman L, Perugorria I and Tejerina B (eds) (2013) From indignation to occupation: A new wave of global mobilization. *Current Sociology* 61(4): Monograph 2.
- Blyth M (2002) *Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century*. New York: Cambridge University Press.
- Boltanski L (2011) *On Critique: A Sociology of Emancipation*. Cambridge: Polity Press.
- Braverman H (1974) *Labor and Monopoly Capital*. New York: Monthly Review Press.
- Castells M (2012) *Networks of Outrage and Hope*. Cambridge: Polity Press.
- Castree N (2003) Commodifying what nature? *Progress in Human Geography* 27(3): 273–297.
- Castree N (2008) Neoliberalizing nature: The logics of deregulation and reregulation. *Environment*

and Planning A 40(1): 131–152.